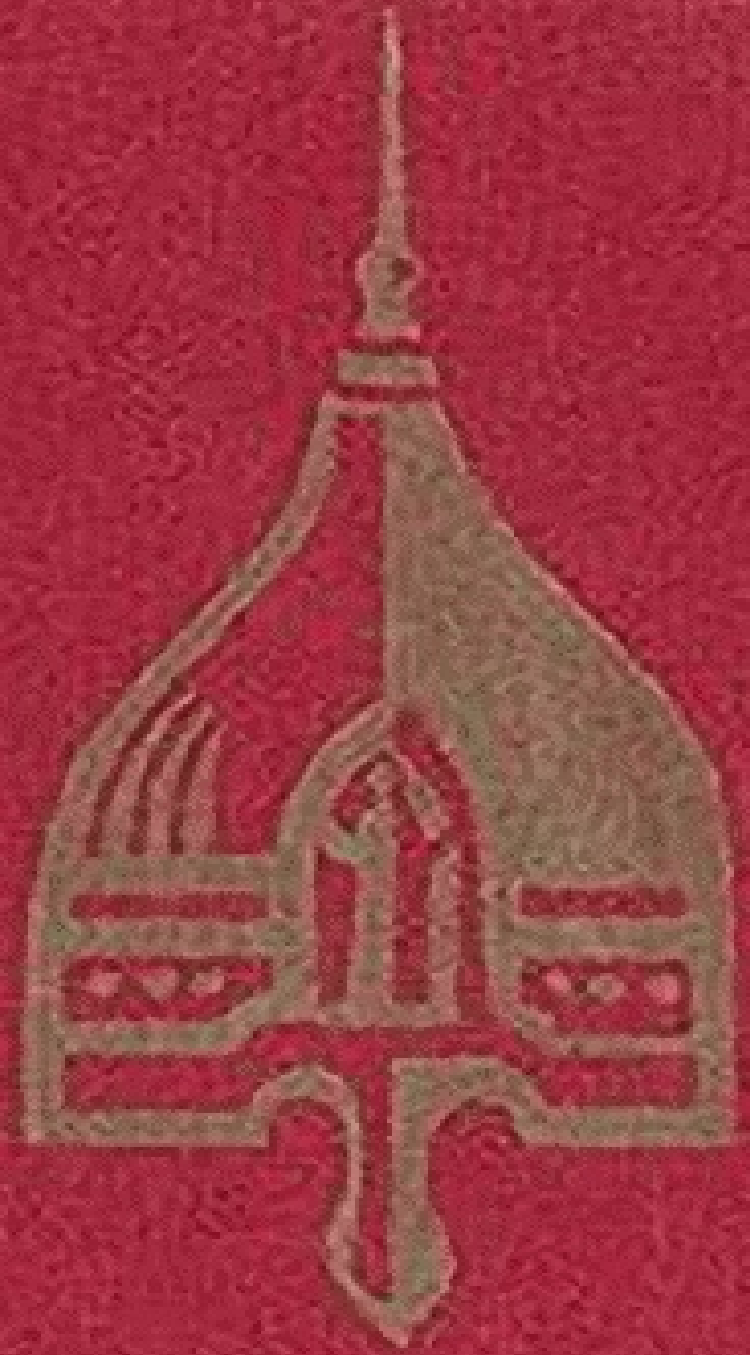

ЗАДОНЩИНА

- ЗАДОНЩИНА
  -

ЗАДОНЩИНА

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамая

Князь великий Дмитрий Иванович со своим братом, князем Владимиром Андреевичем, и со своими воеводами был на пиру у Микулы Васильевича, и сказал он:

«Пришла к нам весть, братья, что царь Мамай стоит у быстрого Дона, пришел он на Русь и хочет идти на нас в Залесскую землю».

Пойдем, братья, в северную сторону — удел сына Ноева Афета, от которого берет свое начало православный русский народ. Взойдем на горы Киевские, взглянем на славный Днепр, а потом и на всю землю Русскую. И после того посмотрим на земли восточные — удел сына Ноева Сима, от которого пошли хинове — поганые татары, басурманы. Вот они-то на реке на Каяле и одолели род Афетов. С той поры земля Русская невесела; от Калкской битвы до Мамаева побоища тоской и печалью охвачена, плачет, сыновей своих поминая — князей, и бояр, и удалых людей, которые оставили дома свои, жен и детей, и все достояние свое, и, заслужив честь и славу мира этого, головы свои положили за землю за Русскую и за веру христианскую.

Стародавние дела и жалость Русской земли описал я по книжным сказаниям, а далее опишу жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу. Братья и друзья, сыновья земли Русской!

Соберемся вместе, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, отбросим печаль в восточные страны — в удел Симов, и восхвалим юбеду над поганым Мамаем, а великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, прославим! И скажем так: лучше ведь, братья, возвышенными словами вести нам этот рассказ про поход великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Начнем рассказывать о их деяниях по делам и

по былям… Вспомним давние времена, восхвалим вещего Бояна, искусного гусляра в Киеве. Тот ведь вещий Боян, перебирая быстрыми своими перстами живые струны, пел русским князьям славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония и восхвалю песнями, под звонкий наигрыш гуслей, нашего великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, потомков святого великого князя Владимира Киевского. Воспоем деяния князей русских, постоявших за веру христианскую!

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.

И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, помолившись богу и пречистой его матери, укрепив ум свой силой, закалив сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле и помянули прадеда своего, великого князя Владимира Киевского.

О жаворонок, летняя птица, радостных дней утеха, взлети к синим небесам, взгляни на могучий город Москву, воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу! Словно бурей занесло соколов из земли Залесской в поле Половецкое! Звенит слава по всей земле Русской: в Москве кони ржут, трубы трубят в Коломне, бубны бьют в Серпухове, стоят знамена русские у Дона великого на берегу.

Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, собрались мужи новгородские у храма святой Софии и говорят так: «Неужто нам, братья, не поспеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу?» И как только слова эти промолвили, уже как орлы слетелись. Нет, то не орлы слетелись — выехали посадники из Великого Новгорода и с ними семь тысяч войска к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу, на помощь.

К славному городу Москве съехались все князья русские и говорили таково слово:

«У Дона стоят татары поганые, Мамай-царь у реки Мечи, между Чуровым и Михайловым, хотят реку перейти и с жизнью своей

расстаться нам во славу».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:

«Брат, князь Владимир Андреевич, пойдем туда, прославим жизнь свою, удивим земли, чтобы старые рассказывали, а молодые помнили! Испытаем храбрецов своих и реку Дон кровью наполним за землю Русскую и за веру христианскую!»

И сказал всем князь великий Дмитрий Иванович: «Братья и князья русские, гнездо мы великого князя Владимира Киевского! Не рождены мы на обиду ни соколу, ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому этому Мамаю!»

О соловей, летняя птица, вот бы тебе, соловей, пеньем своим прославить великого князя Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, и из земли Литовской двух братьев Ольгердовичей, Андрея и брата его Дмитрия, да Дмитрия Волынского! Те ведь — сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, — с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле.

Молвит Андрей Ольгердович своему брату:

«Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удальцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!»

И сказал ему Дмитрий: «Брат Андрей, не пощадим жизни своей за землю за Русскую, и за веру христианскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Уже ведь, брат, стук стучит и гром гремит в белокаменной Москве. То ведь, брат, не стук стучит, не гром гремит, то стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы русские золочеными доспехами и червленными щитами. Седлай, брат Андрей, своих борзых коней, а мои уже готовы — раньше твоих оседланы. Выедем, брат, в чистое поле и сделаем смотр своим полкам, — сколько, брат, с нами храбрых литовцев. А храбрых литовцев с нами семьдесят тысяч латников».

Вот уже, братья, подули сильные ветры с моря к устьям Дона и Днепра, принесли грозные тучи на Русскую землю, из них выступают

кровавые зарницы, и в них трепещут синие молнии. Быть стуку и грому великому на речке Непрядве, меж Доном и Днепром, покрыться трупами человеческими полю Куликову, потечь кровью Непрядве-реке!

Вот уже заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут хинове на Русскую землю! Набежали серые волки с устьев Дона и Днепра, воют, притаившись на реке Мече, хотят ринуться на Русскую землю. То не серые волки были — пришли поганые татары, хотят пройти войной всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали и лебеди крыльями заплескали. Нет, то не гуси загоготали и не лебеди крыльями заплескали: то поганый Мамай пришел на Русскую землю и воинов своих привел. А уже гибель их подстерегают крылатые птицы, паря под облаками, вороны неумолчно грают, а галки по-своему говорят, орлы клекочут, волки грозно воют, а лисицы брешут, кости чуя.

Русская земля, ты теперь как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколы, и кречеты, и белозерские ястребы рвутся с золотых колодок из каменного города Москвы, обрывают шелковые путы, взвиваясь под синие небеса, звоня золочеными колокольчиками на быстром Дону, хотят ударить на несчетные стада гусиные и лебединые, — то богатыри и удальцы русские хотят ударить на великие силы поганого царя Мамая.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович вступил в золотое свое стремя, сел на своего борзого коня, и взял свой меч в правую руку, и помолился богу и пречистой его матери. Солнце ему ясно на востоке сияет и путь указует, а Борис и Глеб молитву возносят за сродников своих.

Что шумит, что гремит рано пред рассветом? То князь Владимир Андреевич полки устанавливает и ведет их к великому Дону. И молвил он брату своему, великому князю Дмитрию Ивановичу: «Не поддавайся, брат, поганым татарам ведь поганые уже поля русские топчут и вотчину нашу отнимают!»

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брат Владимир Андреевич! Два брата мы с тобой, а внуки мы великого князя Владимира Киевского. Воеводы у нас уже поставлены — семьдесят бояр, и отважны князья белозерские Федор Семенович и Семен Михайлович, да Микула Васильевич, да оба брата Ольгердовичи, да Дмитрий Волынский, да Тимофей Волуевич, да Андрей Серкизович,

да Михаиле Иванович, а воинов с нами — триста тысяч латников. А воеводы у нас надежные, а дружина в боях испытанная, а кони под нами борзые, а доспехи на нас золоченые, а шлемы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а кинжалы фряжские, а мечи булатные; а пути им известны, а переправы для них наведены, и все как один готовы головы свои положить за землю за Русскую и за веру христианскую. Словно живые трепещут стяги, жаждут воины себе чести добыть и имя свое прославить».

Уже ведь те соколы и кречеты и белозерские ястребы за Дон скоро перелетели и ударили по несметным стадам гусиным и лебединым. То ведь были не соколы и не кречеты, — то обрушились русские князья на силу татарскую. И ударили копья каленые о доспехи татарские, загремели мечи булатные о шлемы хиновские на поле Куликовом на речке Непрядве.

Черна земля под копытами, костями татарскими поля усеяны, а кровью их земля залита. Это сильные рати сошлись вместе и растоптали холмы и луга, а реки, потоки и озера замутились. Кликнул Див в Русской земле, велит послушать грозным землям. Понеслась слава к Железным Воротам, и к Орначу, к Риму, и к Кафе по морю, и к Тырнову, а оттуда к Царьграду на похвалу русским князьям: Русь великая одолела рать татарскую на поле Куликовом, на речке Непрядве.

На том поле грозные тучи сошлись, а из них беспрерывно молнии сверкали и гремели громы великие. То ведь сошлись русские сыновья с погаными татарами за свою великую обиду. Это сверкали доспехи золоченые, а гремели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские.

А бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой богородицы.

Не туры возревели у Дона великого на поле Куликовом. То ведь не туры побиты у Дона великого, а посечены князья русские, и бояре, и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича. Полегли побитые погаными татарами князья белозерские, Федор Семенович и Семен Михайлович, да Тимофей Волуевич, да Микула Васильевич, да Андрей Серкизович, да Михаиле Иванович и много иных из дружин.

Пересвета-чернеца, брянского боярина, на место суда привели. И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Лучше

нам убитыми быть, нежели в плен попасть к поганым татарам!» Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золочеными доспехами сверкая, а уже многие лежат посечены у Дона великого на берегу.

В такое время старому человеку следует юность вспомнить, а удалым людям мужество свое испытать. И говорит Ослябя-чернец своему брату старцу Пересвету: «Брат Пересвет, вижу на теле твоем раны тяжкие, уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль, а сыну моему Якову лежать на зеленой ковыль-траве на поле Куликовом, на речке Непрядве, за веру христианскую, и за землю Русскую, и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в ту пору по Рязанской земле около Дона ни пахари, ни пастухи в поле не кличут, лишь вороны не переставая каркают над трупами человеческими, страшно и жалостно было это слышать тогда; и трава кровью залита была, а деревья от печали к земле склонились.

Запели птицы жалостные песни — запричитали все княгини и боярыни и все воеводские жены по убитым. Жена Микулы Васильевича Марья рано поутру плакала на забралах стен московских, так причитая: «О Дон, Дон, быстрая река, прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую. Принеси на своих волнах моего господина Микулу Васильевича ко мне!» И жена Тимофея Волуевича Федосья тоже плакала, так причитая: «Вот уже веселие мое поникло в славном городе Москве, и уже не увижу я своего государя Тимофея Волуевича живым!» А Андреева жена Марья да Михайлова жена Аксинья на рассвете причитали: «Вот уже для нас обеих солнце померкло в славном городе Москве, домчались к нам с быстрого Дона горестные вести, неся великую печаль: повержены наши удальцы с борзых коней на суженом месте на поле Куликовом, на речке Непрядве!»

А уже Див кличет под саблями татарскими, а русским богатырям быть израненными.

Щуры запели жалостные песни в Коломне на забралах городских стен, на рассвете в воскресенье, в день Акима и Анны. То ведь не щуры рано запели жалостные песни — запричитали жены коломенские, приговаривая так: «Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла на своих волнах ты мужей наших от нас в землю Половецкую?» Так говорили они: «Можешь ли ты, господин князь великий, веслами Дон загородить, а Дон шлемами вычерпать, а Мечу-реку трупами

татарскими запрудить? Замкни, государь, князь великий, у Оки-реки ворота, чтобы больше поганые татары к нам не ходили. Уже ведь мужья наши побиты на ратях».

В тот же день, в субботу, на Рождество святой богородицы, разгромили христиане полки поганых на поле Куликовом, на речке Непрядве.

И, кликнув клич, ринулся князь Владимир Андреевич со своей ратью на полки поганых татар, золоченым шлемом посвечивая. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские.

И восхвалил он брата своего, великого князя Дмитрия Ивановича: «Брат Дмитрий Иванович, в злое время горькое ты нам крепкий щит. Не уступай, князь великий, со своими великими полками, не потакай крамольникам! Уже ведь поганые татары поля наши топчут и храброй дружины нашей много побили столько трупов человеческих, что борзые кони не могут скакать: в крови по колено бродят. Жалостно ведь, брат, видеть столько крови христианской,

Не медли, князь великий, со своими боярами».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович своим боярам: «Братья, бояре и воеводы, и дети боярские, здесь ваши московские сладкие меды и великие места! Тут-то и добудьте себе места и женам своим. Тут, братья, старый должен помолодеть, а молодой честь добыть».

И воскликнул князь великий Дмитрий Иванович: «Господи боже мой, на тебя уповаю, да не будет на мне позора никогда, да не посмеются надо мной враги мои!» И помолился он богу, и пречистой его матери, и всем святым, и прослезился горько, и утер слезы.

И тогда, как соколы, стремглав полетели на быстрый Дон. То ведь не соколы полетели: поскакал князь великий Дмитрий Иванович со своими полками за Дон, а за ним и все русское войско. И сказал: «Брат, князь Владимир Андреевич, — тут, брат, изопьем медовые чары круговые, нападем, брат, своими полками сильными на рать татар поганых».

И начал тогда князь великий наступать. Гремят мечи булатные о шлемы хиновские. Поганые прикрыли головы свои руками своими. И вот поганые бросились вспять. Ветер ревет в стягах великого князя Дмитрия Ивановича, поганые спасаются бегством, а русские сыновья

широкие поля кликом огородили и золочеными доспехами осветили. Уже встал тур на бой!

Тогда князь великий Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, полки поганых вспять повернули и начали их бить и сечь беспощадно, тоску на них наводя. И князья их попадали с коней, а трупами татарскими поля усеяны и кровью их реки потекли. Тут рассыпались поганые в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои, так приговаривая:

«Уже нам, братья, в земле своей не бывать, и детей своих не видать, и жен своих не ласкать, а ласкать нам сырую землю, а целовать нам зеленую мураву, а в Русь ратью нам не хаживать и даней нам у русских князей не прашивать». Вот уже застонала земля татарская, бедами и горем наполнившись; пропала охота у царей и князей их на Русскую землю ходить. Уже веселье их поникло.

Теперь уже русские сыновья захватили татарские узорочья, и доспехи, и коней, и волов, и верблюдов, и вина, и сахар, и дорогие убранства, тонкие ткани и шелка везут женам своим. И вот уже русские жены забряцали татарским золотом.

Уже по Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганых. Уже низвергнут Див на землю, а гроза и слава великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, по всем землям пронеслись. Стреляй, князь великий, по всем землям рази, князь великий, со своей храброй дружиной поганого Мамая-хиновина за землю Русскую, за веру христианскую. Уже поганые оружие свое побросали, а головы свои склонили под мечи русские. И трубы их не трубят, и приуныли голоса их.

И метнулся поганый Мамай от своей дружины серым волком и прибежал к Кафе-городу. И молвили ему фряги: «Что же это ты, поганый Мамай, заришься на Русскую землю? Ведь побила теперь тебя орда Залесская. Далеко тебе до Батыя-царя: у Батыя-царя было четыреста тысяч латников, и полонил он всю Русскую землю от востока и до запада. Наказал тогда бог Русскую землю за ее согрешения. И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, с большими силами, с девятью ордами и семьюдесятью князьями. А ныне ты, поганый, бежишь сам-девят в лукоморье, не с кем тебе зиму зимовать в

поле. Видно, тебя князья русские крепко попотчевали: нет с тобой ни князей, ни воевод! Видно, сильно упились у быстрого Дона на поле Куликовом, на траве-ковыле! Беги-ка ты, поганый Мамай, от нас за темные леса!»

Как милый младенец у матери своей земля Русская: его мать ласкает, а за баловство розгой сечет, а за добрые дела хвалит. Так и господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, и на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и с остальными своими воеводами на костях на поле Куликовом, на речке Непрядве. Страшно и горестно, братья, было в то время смотреть: лежат трупы христианские словно сенные стога у Дона великого на берегу, а Дон-река три дня кровью текла. И сказал князь великий Дмитрий Иванович: «Сосчитайтесь, братья, сколько у нас воевод нет и скольких молодых людей недостает?»

Тогда отвечает Михаиле Александрович, московский боярин, князю Дмитрию Ивановичу:

«Господин князь великий Дмитрий Иванович! Нет, государь, у нас сорока бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати новгородских посадников, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, пятидесяти бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр угличских. А посечено безбожным Мамаем двести пятьдесят три тысячи. И помиловал бог Русскую землю, а татар пало бесчисленное множество».

И сказал князь великий Дмитрии Иванович:

«Братья, бояре и князья и дети боярские, суждено вам то место меж Дона и Днепра, на поле Куликовом, на речке Непрядве. Положили вы головы свои за святые церкви, за землю за Русскую и за веру христианскую. Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем. Пойдем, брат, князь Владимир Андреевич, во свою

Залесскую землю к славному городу Москве и сядем, брат, на своем княжении, а чести мы, брат, добыли и славного имени!» Богу нашему слава.